

УДК 323.23 + 930(043.3) + 316.77(043.3)

В. Н. Сергеев, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

В статье рассматривается динамика становления и развития основных смысловых составляющих идеологических систем. Методологической базой исследования служит конструктивистский подход к изучению социальных явлений. Активно используются разработки теоретической социологии, некоторых дискурс-аналитических подходов. На примере материала внутривнутрипартийных дискуссий в СССР 20-х гг. прошлого столетия демонстрируются те способы, при помощи которых основные идеологемы закрепляются в коммуникации и при определенных условиях превращаются в мировоззренческие установки субъектов-носителей.

The dynamics of formation and development of the basic semantic components of ideological systems are considered in article. Methodological base of research is the constructivist approach to studying of the social phenomena appearances. Workings out of the theoretical sociology, approaches some a discourse-analytical are actively used. On an example of a material of inner-party discussions in the USSR 20th years of last century those ways are shown with which help the main ideology elements are fixed in communications and under certain conditions turn to world outlook settings of the subjects-carriers.

Введение. Важнейшим условием жизнеспособности любой идеологии является соответствие ее постулатов реальности. Лишь та идеология, которая способна дать ответы на важные для ее носителей вопросы, объяснить существующее положение вещей, способна существовать. Однако при этом наивно было бы полагать, что тезисы, составляющие ядро идеологии, являются «отражением» происходящего в жизни общества. В основе любой идеологии лежит, скорее, обратный процесс – существующая действительность либо создается в идеологической системе «с нуля», либо «переописывается» в удобной для ее носителей терминологии, «подгоняется» под ее тезисы, исходя из которых и объясняется. Актуальность вопроса о том, как это происходит, определяет значимость исследования тех механизмов, посредством которых в идеологических системах формируется реальность.

Основная часть. Прежде чем перейти к раскрытию заявленной в названии проблемы, необходимо определиться с ведущими познавательными установками, на которые наше исследование будет опираться. Важнейшими из этих установок являются две. Во-первых, идеологическая система понимается как коммуникативная (греч. *logos* понимается еще и как «слово»). Необходимым условием «выживания» любой идеологии является пополнение и удержание в сфере своего влияния сторонников, обеспечение «одинаковости» их мышления и деятельности. Для этого они должны не только разговаривать на одном языке (в смысле лексическом и семантическом). Их взаимные коммуникативные ожидания должны быть гораздо менее контингентны (неоднозначны),

иными словами, они должны быть достаточно предсказуемы друг для друга. Именно эти условия позволяют идеологической системе определять свои границы, вырабатывать критерии идентичности (свой / чужой), набор пресуппозиций для оценки и описания социальных реалий (самоочевидных предпосылок, имманентных коммуникации) и т. п.

Во-вторых, в силу описанного выше, идеологические системы являются смысловыми. Причем смысл понимается нами как схема, объясняющая выбор конкретной коммуникации в противовес какой-либо иной и «...обеспечивающая продолжение коммуникаций и переживаний» [1, с. 117]. Также «смысл можно определить как среду, которая производится благодаря избытку ссылок на другие возможности (не избранных, но *потенциально* возможных в иных коммуникациях – В. С.) ...», поэтому... весь смысл основывается на различении актуального и потенциального» [2, с. 147]. По мере увеличения сложности потенциальное начинает все больше довлеть над актуальным, затрудняя дальнейшие операции системы и вынуждая ее затрачивать больше семантических усилий на самописание (в т. ч. переход на более высокий уровень абстракции для учета большего числа вариантов). Проще говоря, чем дольше существует система коммуникации, тем больше в ее истории было ситуаций выбора направления развития и тем больше альтернативности в ее будущем. Дабы избежать «перегрузки» (бесконечных дискуссий и разночтений в ходе принятия решений и обсуждений), в системе вырабатываются некоторые смысловые универсалии, которые должны восприниматься как нечто само собой разумеющееся (очевидные смыслы, обладающие

«бытийным», «онтологическим» и, автоматически, критериальным статусом). Складывается ощущение инвариантности смысла, допущение о наличии «правильных» форм и наименований [3, с. 202]; а в *наблюдении и описании* процесса смыслообразования можно в таком случае исходить из идеи об «уже-существовании» смысла до начала коммуникации.

Описанный процесс смыслообразования чрезвычайно важен для понимания функционирования идеологических систем. Проследить конкретный механизм его формирования особенно рельефно можно на дискуссионном материале. В качестве такового используем материалы внутривнутрипартийных дискуссий в СССР в 20-е гг. прошлого столетия.

Механизм смыслообразования включает в себя несколько важных составляющих.

1. *Формирование «объектности»* является важной составной частью процесса придания онтологического статуса определенной причинной цепи.

В силу специфики советского дискурса, отражающего и эффективно использующего особенности политической ментальности населения, такие обороты, как «рабочий класс», «мировая революция», «советская власть», «партийный аппарат», «закаленный коммунист» и т. д., прочно осели в языке и часто использовались как каркас для построения аргументации. Однако было бы ошибочным считать, что задача данных оборотов заключается только в том, чтобы придать «статичный», псевдометафизический статус описываемой в идеологии реальности (бытие, «жизнь» так устроены, что есть «мировая революция» и т. п.). С коммуникативной точки зрения важен не сам оборот, а его «ореол» (что из этого оборота следует), по возможности не затрагивающий саму основу. То есть мы можем говорить, что если у формирования объектности и есть «цели», то это *сокрытие контингентности, неоднозначности* наблюдаемого коммуникативного порядка.

2. *Конкуренция интерпретаций*. Процесс порождения смысла имеет не только «качественную», но и «количественную» плоскость. Как отмечает Н. Луман, «однажды принятое предложение смысла имеет большие шансы на повторение, нежели отклоненное», а также оно «...повышает шансы на генерализацию, поскольку как сама принимающая коммуникация, так и все подсоединяющиеся к ней коммуникации переводят его в иной контекст и обязаны его соответственно адаптировать» [4, с. 153]. Благодаря этому мы можем объяснить развернувшуюся в рамках внутривнутрипартийной дискуссии борьбу за право использования определенной интерпретации ряда оборотов.

3. *Закрепление объектности* (субстанциирование). Мы можем попытаться схематически наметить *механизм закрепления*, опираясь при этом на сформулированный Г. Спенсером-Брауном *закон индикации (наименования)*. Суть последнего заключается в следующем: «Значение именованного, произведенного повторно, остается (тем же) значением именованного»; соответственно, «повторное произнесение названия увеличивает вероятность индикации некоторой вещи, ситуации или лица в будущем и формирует нормативные ожидания в коммуникации или сознании» [5]. Таким образом, субстанциирование происходит по условной схеме «*наименование (введение понятия) – (само-)инореперенция (отнесение понятия) – (понятие как) критерий*».

Отчасти эта схема реализована, например, при помощи собирательного понятия для обозначения социальной базы левой оппозиции – «бывшие люди». Последнее часто встречается в официальных документах 20-х гг. прошлого столетия, при выступлениях должностных лиц на пленумах и в сводках ГПУ о политических настроениях среди населения. Вот цитата выступления А. Криницкого на пленуме ЦК КПБ от 3 мая 1925 г.: «Никаких антисоветских партий не имеется. Есть “бывшие люди”. Эти “бывшие люди” пытаются превратиться в идеологов недовольной части населения...» [6, л. 8]. К таковым относились бывшие царские служащие, члены партий, в т. ч. коммунистической, бывшие рабочие, священники и т. д. Это понятие употребил Луначарский в своей одноименной книге, касающейся определенных социальных групп (*наименование*). В дальнейшем понятие «онтологически утверждается» путем самоотличения от него употребляющего оборот участника, как в приведенной цитате Криницкого, заявляющего о том, что «бывшие люди» *есть* (и «мы» – не они: *инореперенция* за счет исключения). Наконец, в некоторых сводках ГПУ (см., например, [7, л. 78]), «бывшие люди» фактически выступают критерием, по которому производится классификация индивидов по социальному признаку (*критерий*). Они упоминаются как отдельный социальный слой, наравне с рабочими, интеллигенцией и т. д. (сложно представить отдельную социальную группу, например «самодовольных администраторов»).

4. На уровне перехода к различению «самореперенция / инореперенция» (отнесения понятий) субстанциируемое увязывается либо с внешними условиями, либо относится на счет идеологической системы. Наиболее часто встречается связь с *внешним контекстом* (психологическим, когнитивным, природным, бытийным и т. п.).

Несомненно, «выгоднее» проводить *отличение от неразмеченного мира* (т. е. сущность внешнего мира не конкретизировать). Это делает идеологию достаточно гибкой (что бы ни случилось во внешнем мире, идентичность системы сохраняется, а происходящее можно описать как угодно). В противном случае всегда предпочтительнее проводить различие от чего-то *принципиально иного*. Как пример подобной ситуации приведем выражение, взятое из оппозиционного документа (Заявление в ЦК ВКП(б). Автор «Швейник». 5 ноября 1928 г.): «По поводу *щупалец мелкобуржуазной гидры*: да...они могут охватить и отдельные *прослойки рабочих...*» [8, л. 2].

5. Использование *персонификации и симбиотической символики* [4]. Это касается разного рода действий, прежде всего связанных с категориями «телесного». Выражения, включающие подобные действия, интерактивны по своей сути, при их помощи происходит метафорический перенос явления из одного смыслового поля в другое, как правило, гораздо более освоенное субъектом, соответственно предполагающее однозначные выводы о происходящем. Это в полной мере касается и ритуальных действий, которые в большинстве своем повторяют друг друга с точки зрения структуры, хотя наполняются самой разнообразной информацией.

Письмо В. Селицкого (1 июля 1928 г.), адресованное Сталину, позволяет отметить, что повседневный язык, не перенасыщенный коммуникативными элементами политического дискурса, содержит большее число языковых отражений действий, жестов и т. д., т. е. связей с внешним контекстом. В данном же примере адресант пытается отразить свое понимание политических реалий, однако абсолютно не владеет принятой терминологией и заменяет «официальные» для системы формулировки подобранными им соответствиями. Его видение ситуации является заимствованным, но оно выступает контекстом для той информации, которая имеет для него личную значимость. «Надо чаще *заглядывать* ленинским здоровым оком, оком большевистским, что *оздоровит* наш советский аппарат, а также *оздоровит* и тех, кто душой и *телом страдав и страдает*, когда *слышит*, что мертвецы *подымают головы и подтачивают* как крысы фундамент советской власти, которые еще *застрявшие, не выловлены до сего времени*» [9, л. 130]. Эти представления о происходящем в партии обретают для него личную значимость и требуемая им «люстрация» партийных функционеров становится условием личного успокоения и облегчения собственного существования.

Заключение. Изложенное выше есть способности субстанцирования, основанные исключительно на законе индикации. Смысл данной операции сводится к скопленению смыслового содержимого на одной из сторон формы (система или мир) по мере присоединения коммуникаций и превращения этого содержания в критерий отличия путем устранения его неоднозначности. «Успешность» субстанцирования зависит от способности коммуникации всегда возвращаться к одним и тем же «идентичностям», независимо от контекста. Тем самым, становясь критерием, субстанцированная коммуникация фактически генерирует свой контекст.

Литература

1. Антоновский, А. Ю. О смысле самоописаний / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. IV, № 2. – С. 114–117.
 2. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман. – THESES. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.
 3. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
 4. Луман, Н. Медиакommunikation / Н. Луман; пер. А. Глухова, О. Никифорова. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
 5. Антоновский, А. Ю. Смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации: теория коммуникации как междисциплинарный подход / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://journal.iph.ras.ru/antonov.html>. – Дата доступа: 22.06.2006.
 6. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 20. – Дело 14. Стенограмма пленума ЦК КП(б)Б от 3 мая 1925 г. – 104 л.
 7. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 5. – Дело 395. Сводки политотдела по итогам обсуждения решений XIV съезда, апрельского и июльского пленумов ВКП(б) и выступления троцкистской оппозиции, о состоянии партийных ячеек, политических настроениях населения и др. 1926 г. – 104 л.
 8. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 21. – Дело 160. Материалы ЦК ВКП(б) об оппозиции. Нач. 1927–1928. – 786 л.
 9. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 21. – Дело 185. Секретный отдел. Заявления и жалобы коммунистов и беспартийных и материалы их расследования. Июнь 1928 – февраль 1929 гг. – 143 л.
- Поступила 15.03.2011*